

БЕСЕДА ПРОФЕССОРА Ф.А. СТЕПУНА

(полный текст)

Г.П.:

Хочу представить сейчас Федора Августовича Степуна.

Федор Августович Степун - философ, эссеист, художественный критик, автор замечательных воспоминаний "Бывшее и несбыточное", автор художественных произведений, романа "Николай Переслегин" и очень известный мыслитель и мастер стиля, большой стилист. И сейчас мы будем беседовать с Федором Августовичем о литературе - литературная беседа - о русской литературе перед войной, об этой эпохе.

- Федор Августович, разрешите Вас спросить. Приблизительно в 1910-ом году или несколько позднее появились две новых литературных школы: акмеизм и футуризм. Все эти "измы", как известно, имеют очень условное значение, это только тенденции. Но все-таки акмеисты были, и футуристы были. Эти термины существовали. И вот как раз в это время, в эту эпоху Вы были молодым человеком, вступали в русскую литературу, помните это время и писали, конечно, об этом. Но теперь - беседа, живая беседа. Может быть, Вы расскажете как Вы воспринимали эту эпоху и что было до этого - до футуризма и акмеизма. Ну, известно что было - было другое большое течение символизм, была еще группа "Знание", где Горький и Бунин в то время тоже были. И может быть, главная тема, конечно, акмеизм, Вы расскажете об акмеизме на фоне той эпохи, начав с символизма той эпохи. Так что, просим, Федор Августович.

Ф.А.С.:

Да, я приехал из Германии в Москву в 1910-ом году. В последнее время в университете мое настроение по целому ряду личных причин отвернулось от кантианства, строгой гносеологии,

и повернулось к собственным родичам русского славянофильства. Я много занимался поздним Шеллингом, писал о Шлегеле, читал Новалиса. И это предопределило мою встречу с русскими символистами, которые в 1910-ом году и дальше, собственно говоря, оформили свои школы и создавали свои лучшие художественные произведения.

Я сразу, почти что на пути, попал в башню Вячеслава Иванова и прожил у него целых 10 дней. Об этом подробно сейчас рассказывать не буду, потому что все-таки наша с вами тема не беллетристическая, а более, так сказать, критическая. Важно то, что я попал сразу в линию символизма, что мне не удалось по-настоящему познакомиться с русскими кругами, которые в то время ютились и организовались вокруг Максима Горького. Подробно рассказывать об этом ни к чему, это наиболее известно в русской литературе. Но, может быть, все-таки как-то не замечалось, что вот вокруг Горького все люди организовались под именем издательства, которое называлось "Знание". Значит, художники своим центром поставили не категорию искусства, а поставили категорию знания. Это довольно характерно. "Знание" это было совершенно определенно окрашено, это была, в конце концов, социология русской общественной жизни, устремленная к революции.

Горького я всегда не очень любил, но никогда и не отрицал. В дальнейшем было ясно, что Горький - несколько шизофреник, он всегда писал двумя руками. Он написал настоящее произведение "Детство" и то же самое писал вторично "Мать". "Детство" - искусство, а "Мать" - халтура, с определенным устр...

Если вы теперь посмотрите, кто вокруг Горького...

"Знание", да "Знание", социология и революция, в конце концов, и еще и практический революционный жест. В борьбе против капитализма они уничтожили сортимент, продавали они сами и потому наживали гораздо больше, чем другие, потому что клали себе, хотя были и социалисты, в карман все те деньги, которые должен был продавать... получить тот человек, который их продавал в книжных магазинах.

Если вы посмотрите, Горький занимался явной социологией - "Буревестник". Куприн, очень талантливый человек, но все-таки что он в свое время дал? Да, во-первых, "Поединок" - это критика царской армии, потом "Молох" - это критика советского... капиталистического предприятия и "Яма" - это критика буржуазной неморальности. Шмелев писал тогда "Человек из ресторана", показывая, как город портит в конце концов добрых русских людей, ну, и так далее. Скиталец был ужасен, понимаете, о нем рассказано: "... он ругал русскую буржуазию, плевал ему в лицо, буржуазия аплодировала. Он потом шел в ресторан, покупал фунт икры, бросал фунт икры в щи и храл. Здорово я им по морде смазал!" Это сейчас рассказала, значит, Бунина в своих "Воспоминаниях". Кстати, почему-то "Воспоминания" хвалят. Вот Терепиано написал, что это очень хорошо, а, по-моему, в этих "Воспоминаниях" о Бунине есть все что угодно, есть Скиталец, но нет Бунина. Но это моя такая злая точка зрения на вещи.

Ну вот, теперь, значит, я попал к символистам. Я должен сказать (это Вам не очень понравится, дорогой мой приятель, да), но что я, так сказать, символистов определенно предпочитаю и акмеистам, и футуристам. Не потому что бы они были

очень хорошие поэты. Среди символистов были, так сказать, и поэты, конечно, гораздо менее слабые, чем некоторые из акмеистов. Но я считаю, что символизм — это вообще не определенная литературная школа, а это есть извечно сущностная основа всякого художественного творчества. В этом, так сказать, и Данте — символист, и Гете — символист, и Достоевский — символист. Все искусство, первоклассное, не по уровню дарования, а по сущностному устремлению, оно неизбежно, значит, символично. Если вы меня спросите, что такое символизм? Ну, как мне вам сказать? Я думаю, что если уж коснулся я религиозного начала, процитирую, значит, и Священное Писание, "надо нудиться Царствием Небесным". Почему надо нудиться Царствием Небесным? Потому что Царствие Небесное творит мир и все-таки в мир не входит. Оно нам себя дает тем, что оно уклоняется от нашего жеста, которым мы могли бы его вовлечь, так сказать, в свои собственные человеческие уста и в свои собственные человеческие мысли. Это есть некоторое непостижимое, и сущность всякого большого искусства, которое символично, чтобы постигнуть непостижимое, чтобы ^{то} занятие в конце концов, которым мы можем только кое-как раскрыть это непостижимое, влить в более или менее ясные человеческие слова. Но сколько бы ни вливали, оно не выходит. И потому прав Тютчев, который говорит: "Мысль изреченная есть ложь". И все-таки она — не ложь, если поэт может сказать вместе с Гете:

"Mir gab ein Gott zu sagen, was ich leide."

"Мне Бог даровал силу сказать то, чем я страдаю".

Всякий художник страдает, так сказать, несказуемостью того, что нужно сказать, и требует потому Божьей помощи. На

этом вырастает большое искусство, на этом вырастает искусство, значит, русского символизма.

Сни были разные люди. Вячеслав Иванов был большой ученый, большой эрудит, был человек античного воспитания и образования, 40 лет ездил по Европам. Он был, вероятно, самым очаровательным собеседником, которого я в жизни встречал, может быть, за исключением одного Розанова. Но Розанов был в беседе озорник, а Вячеслав Иванов был в беседе мудрец. Может быть, даже беседа была его самая изумительная стихия, что я, значит, пережил, когда 10 дней гостил у него в 'башне'. Он имел вид какого-то немецкого профессора, чуточку был похож на Момсена, говорил очень ученко, говорил витиевато, была у него какая-то барочная рессора в речи, на которых когда-то колыхались царские, понимаете, кареты, это было совершенно изумительно. Когда он говорил о немцах, у него была слегка немецкая дикция, о французах - слегка французская, а по-русски была замечательная речь, но где-то, так сказать, оснащенная древне-славянской вязью - очень особенная, значит, ведь. Ну, он был большой теоретик символизма. И вот тут, собственно говоря, вечная заслуга русского символизма: он первый по-настоящему различил религиозный социализм, где высказывается несказуемое, от идеалистического социализма, где человек, собственно говоря, вовсе не в подлинных символических образах, а только в импрессионистических пятнах и аллегорических ми-фах, раскрывает то, что он лично думает. Это еще не исследовано, Георгий Павлович, но я вот сейчас об этом пишу. Этот метод религиозного символизма, он потом перешел к Владимиру Соловьеву, потому что если считать Соловьева как не мифо-

творца, не как символиста, а как логика, то выходит только весьма второстепенный Гегель. И так он совершенно не интересует. Вот книги Зеньковского о Соловьеве написаны, там изъяты вечная женственность, мировая душа, и получается, так сказать, гегельянец второго разбора.

А в книге "О свободе человека" посвящен Бердяевым громадный абзац, где он причисляет себя к школе религиозных символистов. И если Бердяева не читать как символиста, а опять читать как логика, то выйдет абра-кадабра, дабы не сказать более неприятное слово. Ну вот, так что это была очень большая вещь.

Стихи Вячеслава Иванова вначале были слишком парадны, слишком торжественны, я уже сказал о рессорах барочных карет, понимаете, но еще не знают его последних стихов. Последний дневник, который он писал в Риме, когда он уже отказался от всех, так сказать, антично-языческих наследий в своей душе и стал почти что монахом 9-го столетия, они изумительны. Я привез с собой, то есть хотел привезти с собой, чтобы прочесть его последние стихи, которые никто не знает, но, к сожалению, папка моя осталась, так сказать, у меня в квартире. Но это, может быть, как-нибудь можно будет потом дополнить.

Теперь, что сказать о Белом? Белый, по-моему, - самый гениальный из всех символистов. Я думаю (и меня будут за это корить, понимаете), но что слово "гениальный" относится только к нему. Оно не относится ни к Вячеславу Иванову, оно не относится и к Блоку. Но он заплатил за свою гениальность тем, что все его творчество исконно поссорилось с совершенством. У Белого нет ничего совершенного, но есть изумительное. Бердяев

пишет, между прочим, в своих книгах везде, что гениальные люди никогда ничего совершенного сказать не могут, что, так сказать, они как парабола, открыты куда-то в вечность и они... эта парабола не смыкается, не получается эллинского круга, как символа действительно совершенного творчества.

И знаете ли, когда... Вы не видали Белого, нет?

Г.П.о.: Нет, никогда не видел.

Ф.А.С.: Когда Белый входил в комнату, то он, собственно говоря, винтом в нее как-то, значит, входил. Он как-то странно улыбался, он приседал, он говорил, как будто он только что ^{учеником} кончил неудачным/школу какого-нибудь Далькроза или что-нибудь такое. И считают, что он позёр. Это, между прочим, очень многие считают. Это глубоко неверно - Белый не был позёром, Белый был настоящий юродивый и танцевал он скорее, как юродивый Хедеровец? на паперти или в трущобах, а не как позёр. Он был голый, а не притворялся.

Конечно, был он какой-то непонятный мистик и творец каких-то неудобочитаемых произведений о символизме, изображал их, понимаете, какими-то треугольниками. Но все-таки, я считаю, что роман "Петербург" - одна из самых замечательных вещей, которая была написана в русском 20-ом веке.

Ну, Господи, Блока я особенно любил. Считаю, что у него есть некоторые, так сказать, иногда безвкусца, может быть, некоторые кой-какие сентиментальности, может быть, некоторые простоты. Но по существу вот этого озnamенования непостижимого - пусть оно слишком охвачено эротической сферой, понимаете, - но все-таки его стихи есть настоящая ворожба.

Я вполне понимаю, что когда я ездил по провинции (а я объездил всю Россию с лекциями - всю Россию: до Коканда, до Сибири, до Кавказа, на севере, в Нижнем Новгороде, всю Волгу обчитал), везде были учительницы, такие очаровательные рудные девушки, такие девушки-недоноски, такие недостаточно хорошо освещенные фотографии, какие-то подмалевки подлинного женского бытия. И они все тогда читали "Девушка пела в церковном хоре о всех", и так далее, и все они молились на Блока. Была в нем какая-то и большая совесть и большая любовь. А вот Тимирязев рассказывает - тоже можно поверить, - что в Петербурге на Невском встречались проститутки с большими шляпами и говорили: "Я - незнакомка Блока, пойдем со мной". Это все-таки совершенно исключительная амплитуда славы - от провинциальной учительницы до проститутки. И все это было все-таки очень подлинно его... Вообще он совсем, совсем настоящий. И совершенно непонятно: столько он писал вещей в пьяном виде и о пьянстве и оставался всегда чист. Потому что он был по-настоящему символист, потому что за всей гречной реальностью мира... А кто же эту реальность не писал так интенсивно, как он: "Я пригвожден к трактирной стойке, я пьян давно, вон - счастье мое на тройке..." и так далее, и так далее, и другие вещи, когда он утром возвращается с какой-то девочкой-цыганкой, "светает, с Богом, по домам, позвякивают колокольцы..." и так далее, и так далее.

Но вот, видите, дело не в том, что символизм отрицает плоть, отрицает мир, как утверждал, значит, в своем... Гумилев, противопоставляя акмеизм символизму. Больше плоти, больше гречной плоти, чем у Блока, не найдешь. А все-таки она све-

тится. Не плоть нужно отрицать, а нужно отрицать, так сказать, ее темную замкнутость. А когда сквозь плоть, реально данную, со всем импрессионизмом, колоритом, со всеми красками, запахами и так далее, тогда только получается для меня настоящее искусство. Но я, конечно, так сказать... как вам сказать? Говоря коннозаводским языком, очень сюда неподходящим, я все-таки — метафизическая конюшня. И у меня, вот, есть эта рекордная секунда этой конюшни, от нее отступиться я, значит, никак не могу.

Когда появились футуристы (разрешите с них, может быть, начать, а не с акмеистов...)

Г.П.: Пожалуйста...

Ф.А.С.: Да, то, конечно, они всех поразили. Они тогда сливались, между прочим, и с имажинистами и с некоторыми другими школами. Вообще, футуризм — слово весьма неточное. Оно, так сказать, более социологично, чем художественно. Потому нельзя в одну группу брать Маяковского — очень большого все-таки версификатора, большого мастера слова. Я с удовольствием ощущаю, что его зачислили в словесную академию, но он для меня, так сказать, неувлекательный поэт, понимаете. Я не думаю, что Маяковский был большим поэтом, но он был главным символом грядущей революции. Я думаю, что в футуризме надо прежде всего означать вот это ихнее символическое значение.

Искусство всегда было исполнено пророческой силы. Есть статья — сейчас мне вспоминается — Муратова, в которой он доказывал, что картины, так сказать, футуристов и, прежде всего, кубистов впервые нашли те тупые углы, которые... (встре-

чались мне картины), которые потом повторили броновики. Это целое, очень интересное исследование, и сейчас мне это мельком пришло, у меня под руками ничего нет, я говорю, так сказать, совершенно неподготовленный, без всяких цитат. Но этого достаточно для нашей беседы, как вы сказали, вот. Это было... И я думаю, что все в футуризме было очень серьезно. Но оно было, конечно, серьезно, не как искусство, а как в форме искусства данное пророчество о революции. В нем были и демонические силы, которые были, конечно, и в мистике Ленина. Всегда, например, большевизм рассматривают слишком с точки зрения марксисткой идеологии. Но кроме марксисткой идеологии в них была и бакунинская мистика. Это не надо замол... У Бакунина все-таки... задача... странная есть фраза, что модель всякого подлинного революционера - это библейский дьявол, который первый задумал освободить человека от того рабства, которое задумал Господь Бог. А как освободить человека от рабства, которое причинил ему Господь Бог, говорится очень ясно, что страсть к разрушению - есть подлинная творческая страсть. И вот эта творческая страсть она была в футуризме, понимаете.

Когда Маяковский говорил, было серьезно; когда выйдет в зал в визитке Шершеневич, у которого были, как у нетопыря, красные уши и вместо голоса жирхонская труба и он стоял, как бы ожидая общественной пощечины, уши горели, труба гремела, - это было изумительно убедительно. И рядом болтался вместе с ними имажинист, значит, настоящий поэт, невыдержаный, - Есенин, у которого было очень много очарования, но, конечно, и очень много безвкусицы и так далее.

Ну, говоря о символизме еще один раз и переходя, значит, к акмеизму, я думаю, что если бы меня попросили назвать самого крупного поэта из акмеистов, то я назвал бы не Гумилева, а, может быть, это Вам покажется странным, Валерия Брюсова. Считать Валерия Брюсова символистом нет никакого основания, потому что как раз за его творчеством не стояло ничего непостижимого; не стояло никакого ни мистического опыта, ни... он совершенно стопроцентный здешний... технократ, который любит асфальты, дожди, желтые часы, которые горят, понимаете, в вокзалах - это для него вся мистика, когда горит не солнце и не душа, а желтые часы, понимаете. Любил проституток, лихачей и все такие; не было никакой в нем этики. Мы все это, ведь, знаем очень хорошо, я как раз вчера вечером говорил с сестрой Жанной Матвеевной, его жены Брюсовой...

Но, конечно, он все-таки настоящий поэт. Иногда очень бесскусный, но в лучших своих стихах все-таки поэт замечательный.

Теперь. Значит, с теорией Гумилева я не согласен. Это уже, значит, следует из всего, что я сказал. Полемику против символистов я потому считаю по существу неправильной. Можно было критиковать и сказать, чтобы они, так сказать, несколько принизились к земле. Я вообще буду всегда защищать: "Seid mir der Erde treu, meine Brüder" - это замечательное слово Ницше. И нет поэта, который не верит земле, но нет земли, над которой не было бы неба и не было бы всего мира, если не было бы Создателя. Так что, так сказать, все-таки земля должна быть охваченной небом, и всякое

творчество должно исходить из сознания, что есть Творец.

Вот эти задние планы, они для меня совершенно необходимы.

Все-таки в Гумилеве (тоже я забыл, к сожалению, свои книжки) утверждение, понимаете ли, что/не будет "душевной — нежностью и истерией..." — кажется, это не совсем так, но это так есть, можем потом, значит, это проверить, может быть, дополнения сделать из цитат, я не знаю, как это, в другой раз. Это ни к чему, понимаете, это неверно. Потом, он, значит, не хочет никакого символи... земли, но стихи он хочет читать океанам, драконам и чертям. Ну что это за аудитория — океаны, драконы... никакие они слушать не будут, читать им совсем не нужно. Это все не то. Есть и стихи весьма, по-моему, неуклюжие. Одним словом, я думаю, что если бы в нем не было позы, нового стиля, не было бы полемики... Между прочим, слово "акмеизм" и "атеизм" ведь выдумал Вячеслав Иванов, о чем сообщает Белый. Но Белый много тоже сам выдумывал, так что я за это не берусь. Наконец, я все-таки считаю, что в "Аполлоне" Гумилев, так сказать, шел в дышиле с Городецким. Городецкий все-таки, так сказать, поэт небольшого размера.

Значит, это касается самого акмеизма или адамизма — как говорил Вячеслав Иванов — и самого Гумилева. У него выросла героика в... в "Расстрел". Это, конечно, так сказать, судьба его вознесла почти над самим собою. И то, что.. чем он шутил, стало вдруг страшной серьезностью. И потому, так сказать, ему надлежит всякое почитание, что действительно жизнь долумала его теорию и завершила его геройством, может быть, показное, не без позы, потом настоящим подвигом. Это все дело другое, понимаете. Но поэт — я не могу увлечься...

Что касается Ахматовой, то простите меня, я не могу считать, что она действительно в смысле теории Городецкого настоящий поэт. Но я вообще считаю, где начинается настоящий поэт, там кончается теория.

Когда-то обо мне лично (позвольте цитату) один хороший критик Эйхенвальд написал, критикуя мой роман, говорил: "Конечно, это не роман, конечно, это не философия. Но где начинается квалификация, там кончается классификация". И я считаю, что это очень верно: где начинается квалификация, там кончается классификация.

Мандельштам, ведь то в нем... вы согласитесь, в нем тоже очень много символических элементов, понимаете. А уже в последних стихах Ахматовой, которые напечатаны теперь в "Воздушных путях" (это "Поэма без героя") это, конечно, не акмеизм. Это, все-таки, так сказать... ну да... символизмом овеянный романтизм в конце концов. Стихи совершенно изумительные. Я их читал 10 раз с одинаковым потрясением, и мне не нужно, понимаете, чтобы их разгадывали, и не нужно, чтобы было там три мужчины или двое мужчин. Вообще есть в поэзии все: есть невнятность, которая не требует объяснения - это должно быть в каждом стихе, это есть тайна; но есть внятность, которая просит: разрешите, в чем тут дело? - тогда появляется шарада. И когда шарада - то это никуда не годится, а когда это тайна - то это есть утверждение искусства. Вот так я бы, значит, ощущал их.

Я думаю, что это приблизительно, так сказать, все, что я Вам имею сказать. Но у нас еще есть время. Если Вы хотели бы какие-нибудь дополнительные вопросы, поскольку

могу, с удовольствием отвечу.

Г.П.:

Я хотел задать следующий вопрос. Гумилев имел, может быть, тоже свою метафизику - он писал и о Боге, у него были религиозные темы. Но когда, как... еще будучи совсем молодым человеком, он написал свой "Манифест" в "Аполлоне", кажется, в 1912-ом году. Можно так формулировать, что Гумилев вступил за розу, которую можно нюхать, которой можно любоваться - это его знаменитая фраза, я цитирую по памяти. Он говорил, что роза должна быть настоящей, осязаемой розой. А у символистов роза всегда была символом мистической любви. Не только у символистов 20-го века, конечно, но и в средние века роза была символом духовным. И он, так сказать, вступил за розу. И в этот момент в 1912-ом году он был, может быть, прав. Реакция следующего поколения - он очень заострил это, конечно, - молодежь всегда выступает, в общем, против отцов (он принадлежал к поколению сыновей) против отцов. И в этот момент его можно понять так же, как можно понять и Кузьмина, который тоже примыкал к акмеистам и который еще до Гумилева написал известную статью, кажется, в 1910-ом году в "Аполлоне", "О прекрасной ясности", значит, против невнятчицы символистов. И в этот момент они оба были как-то правы, в эпохе, что несколько, конечно, не снижает значения символистов, у которых был больший размах, конечно.

Ф.А.С.:

Это я с Вами могу согласиться, потому что всякая история всегда развивается (мы это знаем, так сказать, с Гегелем, а за Гегелем стоит Гераклит) некоторым геологическим методом. Если сказать, что Гумилев и... Вы назвали сейчас

Кузьмина, замечательного человека, с которым я очень долго общался, когда жил в Петербурге, понимаете ли.... Что они правы, поскольку они протестовали против недостатков символизма, против символизма не как... я пытался рассказать некоторым, так сказать, предвечных основ всякого творчества, но против некоторых излишностей или неточностей, понимаете. Но, если, конечно, считать Брюсова акмеистом, то в нем эта точность очень большая. В Белом, конечно, ее гораздо меньше, хотя, если вы возьмете стихи Белого "Пепел", да, которые очень, так сказать, под Некрасова сделаны, там есть очень много тоже и довольно точных вещей.

Одним словом, согласимтесь с Вами, что в порядке развития русской литературы, смены школ, в порядке критики всяkim следующим поколением недостатков отцов, понятие, так сказать, движения, внесения, так сказать, я бы хотел сказать, в недостаточно близкой жизни в символизме каких-то еще более конкретных черт - на это я с вами, значит, пойду. Но если вы меня заставите выбирать между розой, которая является символом вечной женственности и та же в персях жен - говорил не с очень большим вкусом Вячеслав Иванов ранней эпохи; Ильин когда-то возмущался, что он писал: "Меж пальцами твоих пречистых ног цвела весна". Это, конечно, весна из Боттичелли, потому что действительно боттичелевская женщина весне... и между ее пальцами цветут цветы. Он, значит, описывал картину. И вот весна оказалась меж пальцами женских ног. Если так, то мы с вами, так сказать, безусловно, как историк литературы я соглашусь, но, так сказать, как требовательный

историософ в отношении к искусству, я буду, так сказать защищать... Ну, мы с вами сговорились, вечную категорию, значит, да... И в конце концов, кто такой удержался на уровне такого чистого импрессионизма? Да ведь и драконы у него тоже, понимаете, не эмпирические. Они, ведь, - или их нет, или они мифологические, или они в театральном училще, понимаете, и океаны, которых уже очень много.

Так что, вот я думаю, что исторически мы с вами согласимся.

/еще/

кп

оект

Г.П.

Члены теперь другой, более серьезный вопрос: вся эта эпоха (предреволюционная эпоха), которую иногда называют "Серебряным веком", принадлежит к прошлому. И вы участвовали, вы вступили в эту эпоху юношами, и затем принимали в ней творческое участие; и теперь эта эпоха уже принадлежит истории - это было 40 - 50 лет тому назад, не правда ли? И вот, что осталось от "Серебряного века"? Происходит переоценка. Например, мы часто совсем иначе ценим теперь (все люди, любящие русскую поэзию, поэтов), например выступает фигура Аненского, которого совсем не знали. Аненский большой поэт, это как-то теперь ощущается, а в то время его даже мало знали, он жил вне литературной среды. Ну, конечно, был Блок. Блок не увядает, остается таким же большим поэтом, так что происходит переоценка стихов как таковых. Можно не верить в то, что верил Блок, но все-таки стихи его остаются. А стихи Аненского - я говорю, особенно ленинградцы, Адамович и другие - они его интерпретировали, они его как-то внушили молодым поэтам: Штайгеру, Червинской, Чиннову - все они от Аненского через Адамовича - это известно... И затем конечно остались какие-то заветы, вот это ваша область: "вечные заветы". И можете вы сказать в общих чертах (это очень трудная тема, вопрос такой слишком общий), что осталось от этих "заветов". Я как-то, объясняя американским студентам ту эпоху сказал, что в то время каждый русский поэт имел свою линию, и каждый писатель. У Блока была "вечная женственность", потом она превратилась или преобразилась в Россию; у Вячеслава Иванова была своя религия; у Сологуба... у всех

~~многа свои религии.~~ Столько религий, сколько поэтов, или сколько поэтов, столько религий! ~~И что же от всех этих "заветов"~~ осталось? В сущности это было сектантство, но сектантство тоже имеет оправдание - ~~надлежит быть еретиком или разноречием, как говорится в русском евангелии (у Павла сказано).~~ И вот, что осталось от этих разноречий, от этих заветов, этих пророчеств? Теперь, как раз после Октябрьской революции нам кажется, что не так много! Ведь они думали, что после революции (часто все пророчества велись к революции, которая предчувствовалась) мир сгорит и возродится как феникс. И вот - мир сгорел, или русский мир сгорел, но не возродился как феникс. И что осталось от этих заветов? От Соловьева до Блока, Бердяева... И у вас тоже есть свои заветы... Что от этого осталось, от заветов "Серебряного века"?

Ф.А.С. Это вопрос очень сложный, нужно было бы очень подробно говорить, но я думаю, что вообще в истории никогда ничего не пропадает; пропадает только эпохальное оформление вечных основ человеческой жизни, человеческая история. Значит, в символизме останется все то, что было не только "эпоха", но то, что было эпохальным оформлением каких-то вечных основ. И в символизме этих вечных основ было, значит, гораздо больше, чем во всех одновременных школах, больше конечно, чем у "Знания" и Горького, больше чем у футуристов... там этого вообще, значит, не было; не буду особенно говорить о Хлебникове - в этой невнятице, может быть, есть и мистическое косноязычие, но это очень сейчас сложно, больше нет... и потом больше чем от акмеизма, если, так сказать, считать акмеизмом, значит тео-

рию Гумилева плюс лучшие технократические стихи Брюсова, понимаете. Все-таки Вячеслав Иванов прошел большую школу; отказался от своего дионаисизма, от своих менад... прошел через большое сознание какой-то своей греховности и от "Ты знаешь"..."Я знаю - дьявол" (вот я смотрю, простите, вот сейчас). Ну да, он знал, что он есть, так сказать "дьявол с рожками", хотя смотрит на мир, так сказать, "обликом его двойника" - так оно сказано в его стихотворении. Он все-таки написал последние стихи совершенно замечательные и пришел к каким-то большим первоосновам, значит, христианства: "Христианство есть для меня самое глубокое, конечно, воплощение о личной трансцендентности" - вот, что трансцендентное стало, значит, ликом, это есть. Я думаю, что у Блока в очень искаженном виде, но все-таки тоже начало венности и даже и своеобразное начало христианства все-таки есть. Не случайно он эти свои "Двенадцати" кончил образом Христа! Очень интересно, что он ведь очень был несчастлив, - как он пишет, в своих воспоминаниях, что этот неприятный женственный Христос с венчиком появился в конце его поэмы; он ждал, что он уйдет, ждал несколько дней, но Христос не ушел - пришлось согласиться и его оставить! Все-таки это говорит, что он увидал, что в революциях Христос не тот, не приятный, но что все-таки должен все-таки появиться какой-то другой подлинный. Так что Вячеслав Иванов кончает своим дневником, явно христианским. Блок, в конце концов, то же самое, где-то, значит, ощущил... В Белом очень неудачное стихотворение о Христе и т.д.... все это антропосовски изломано...

у Белого, ~~бес~~ это "революционно" изломано у Блока; все это было потом у Вячеслава Иванова мифическим в начале как-то несколько засурмлено, если так можно сказать, но все-таки здесь прозвучала тема оличинной трансцендентности. Я думаю, что это есть самая большая тема, которая в русской истории есть. И понимаете, если вы мне сказали ~~Б61~~, кто является наследником "Серебряного века", то я назвал ~~только~~ одно имя — это имя Пастернака, которого я считаю самым определенным символистом, понимаете. ~~Он~~ И очень интересно, что он же отказался от своих прежних стихов. ~~Никогда~~ не говорил, что они ~~нехороши~~, но он все-таки сказал, что он их не любит. Он от них отвернулся не как мастер, а, так сказать, отвернулся как "мистический эротик" — если позволите так сказать. Все-таки же, действительно, в конце концов, первый период Пастернака был же изумителен по мастерству ~~К~~ экспрессионизма; действительно, таких синтаксических вывишков, таких длинноруких ассоциаций, таких мистически-мифических извержений — одним словом всей той глубины отстранений, которое у него было, ни у кого не было! И все-таки он сказал: "Моя первая биография испорчена модернизмом той эпохи". Тут можно и отнести модернизм, который был в 'символизме' — в Брюсселе и других вещах.

Он говорит об очень многих людях, но слово "гениальный" у него отнесено, насколько я знаю, во всех описаниях только один раз, и оно отнесено к Белому, понимаете. Он говорит, что задача — это замечательное слово! — "задача искусства заключается не в том, как теперь думают, чтобы всегда делать новое, но чтобы на новой высоте и новыми методами всегда воспроизводить прежние вечные модели".

~~0, его замечательное "Слово искусства" живет только двумя вещами - созерцанием смерти, "только это и творит жизнь, по крайней мере, если идти по стопам откровений Иоанна! И целый ряд таких, знаете, вещей. И вот это, по-моему, так сказать, великое наследие протрезвленного, так сказать... Я могу согласиться с некоторыми вещами, что может быть некоторые его стихи последнего периода, они с артистической точки зрения (особенно там, "когда разгуляется") они не так пленительны как первые, но все-таки для меня это тот путь, который остается...~~

out

Скажите, вся русская религиозная философия, она же идет. Ведь кроме русской религиозной философии ничего в России нет! Бердяев, Булгаков, Франк, Лосский, Федотов - это все все-таки соловьевцы! А что же кроме того? Ну, Лосский немножечко, так сказать, выдумывает не очень аккуратно...

Г.П.: Розанов!

Ф.А.С. Розанов, конечно, совершенно замечателен! И другого пути вообще нету! Я все-таки думаю, что путь России остается та...

Всегда

и потом, вот, заплеванная русская интеллигенция, понимаете... Но ведь Европа гибнет без интеллигенции! Где есть только партии, а над партиями господа профессора, которые ничего не делают и ничего делать не могут; которые только в порядке политическом импотенты, понимаете... Всегда в конце концов сейчас - возьмите Баретто, возьмите Шмидта, возьмите... этого большого француза, вот как его... сейчас... они же все ищут какое-то... какого-то носителя духовно-политического творчества. И русская интеллигенция не была ни партией, ни классом, - она была, в конце концов, именно субъектом духовного оформления жизни!

out

Она поскользнулась, согрешила, пала мордой в кровь, понимаете, нагадила вокруг себя (тут я могу быть почти также радикален как Ульянов, который обругал всю Россию ради этой интеллигенции очень ^{Л7} глубоко), но все-таки это все было, понимаете, и я думаю, что какое-то восстановление этого орденского начала... а знаете от кого это слово происходит? Это как-то Ильюшин Фондаминский еще не зал; я это совершенно недавно нашел, что определение интеллигенции как ордена - это в письме у Анненкова, где он, значит, говорит: "И все мы нечто подобное революционному ордену, мы друг друга не знаем, но мы друг друга узнаем с первого взгляда, мы являемся носителями надежд всех осужденных и мы представляем величайшую опасность для власть имущих" - цитата наизусть, но довольно точная, я ее много раз, значит, писал. Так что я думаю, что в конце концов в России, в будущем, как завещание русской религиозной философии, словесство со всеми его разветвлениями, понимаете, - на Бердяева и Булгакова и Франка и Трубецких, и как завет символизма, теперь произведенный или поднятый на новую высоту Пастернаком и многими другими, которые сейчас..., - вот этот путь есть тот путь, которым она должна идти. Это, конечно, Георгий Павлович, не пророчество в смысле указания того, что будет, но собственно говоря, мы с вами уже говорили - пророк, который требует и предупреждает! И вот я думаю, что надо предупреждать и надо, значит, требовать, чтобы в России в общественно-политической жизни, чем бы она ни была - демократией

или, так сказать, своеобразной диктатурой - но во всяком случае должен быть создан субъект - носитель духовных и волевых сил, которые бы из центра, так сказать, русской жизни, который (я все-таки считаю) православие, которое мне особенно дорого (я об этом много писал, и католики на меня нападали) есть то, что мы исповедуем ЛИЦО Христа, а не богословскую систему! Богословские системы связаны с эпохой, с метафизикой, она уже становится неприемлемой. И не моралистические законы. Когда Христос говорил: "Познайте истину и истина освободит вас" - он еще не был богословом и уж совсем не был томистом, но он не был и законником в древне-старом смысле. Истина - был ОН, то есть исповедание Лица. И это исповедание лица переходит из религиозной сферы в сферу культуры, и потому всякое творчество - и научное и художественное - должно быть какого-то исповедания трансцендентного лица... лица трансцендентности. Я не говорю - оно должно быть христианским, это слишком много, но ~~личности~~^{ер} трансцендентность должна, так сказать, быть благословением, под которым я творю и под которым я живу.

Г.П.

out

А еще можно спросить - Всё об этом замечательно говорили
~~личности~~[?] Конечно, христианство - это прежде всего Христос, а не что-нибудь другое. Я хотел сказать интеллигентия, ну, очень неопределенное понятие. До революции, в XX веке, начиная с 90-х годов, все-таки было две группы интеллигентии. Одна была, говоря грубо... была от Белинского, от Чернышевского, а другая интеллигентия, вот эта... культурная интеллигентия, к которой принадлежали поэты, была от Владимира

Соловьева и от Достоевского. А может быть все-таки это была одна и та же интеллигенция. Что вы об этом думаете?

Ф.А.С.: Я определенно думаю, что это была одна интеллигенция! Если определять интеллигенцию, то тем, что я назвал ее "орденом", она уже определена. Орден ~~математический~~, который во имя... и был, так сказать, "единством" - это в терминологии Владимира Соловьева - был "единством креста и меча". Значит, крест отпал в одном лагере, вот этой революционной интеллигенции, но у них не отпала ни вера, ни образ совершенства, образ истины. У них социологическая теория Сен Симона и потом другие... целый ряд... и потом левые гегельянцы и потом фрейды и бахьянцы и потом фалангисты и, наконец, марксисты... но ведь все это у них не теория; это абсолютные истины, требующие исповеднического к себе отношения. Значит это, в конце концов, тоже есть некоторое исповедание религиозного образа совершенства.

~~И то, что у них сумбурно и смутно было и неверно - пытаясь очистить Соловьев и пытаясь очистить Достоевский по-своему. Это было тоже исповедание некоторого лица Соловьева и Достоевского я согласен причислить к интеллигенции, но вот Толстой ~~и~~ ~~не~~ ~~достоевский~~ интеллигент, ни в какой мере и степени, потому что вообще нет никакой общественности... Значит, интеллигентство состоит в милитантном отношении к истине, в жертвенном пафосе служения - не классам, не всем, но целому народу, понимая народ, опять-таки, как некоторое оличенное отношение трансцендентной реальности. Я бы теперь, значит, если бы вернулся в Россию (что, к сожалению, вполне исключено), то я бы, так сказать, стал возрождать вот это "орденское" начало, то есть~~

out

out

это в конце концов, это сейчас современные социологи оспаривают, но это же и была идея - и Комта и Сен Симона, и если хотите Маркса: "Вуар нур превуар э превуар нур превенир" ^{Вицель чтобы предвидеть, и предвидеть} Вот это активное знание! Истина действующая! Это очень правильное и очень русское начало. У Михайловского сколько раз цитировалось: "Истина справедливость и истина добро - одно и то же", и потом это сказано у Достоевского: "Русская идея... самая русская идея есть идея осуществления идей". Мы это творили, на этом мы и сорвались, понимаете, потому что не в меру поусердствовали. Но я думаю, что ^{Всё} это требуется и самим христианством; отсюда, так сказать, старчество должно быть дополнено. Самое несчастье, вот, России было в том, что с одной стороны по стопам Иосифа Волоцкого; это дошло, понимаете, через Петра Великого до прокурора Святейшего Синода. Это был цезарепапизм, в который вначале церковь и государство были два равносильных меча - в руках, может быть, того же, Грозного; Петр Великий потом этот церковный меч несколько, так сказать, ^дпочинил государственному мечу, но он называл себя "епископ епископов" и обещал русскому народу не только хлеб и все, но и духовное блаженство; в нем это осталось, понимаете. И наконец Победоносцев, который все-таки хотел тоже русское государство подчинить церковному началу. Ну вот, эта тема, одна, она вырождалась, она не дай Бог, чтобы возродилась!

^{out} Некоторые остатки этой темы есть еще у Карташева, с чем я не соглашусь, о чем правильно писал сейчас, значит, Шеман, эту критику замечательную его книгу. С этим нельзя, значит, ...

А другая тема - это тема Нила Сорского, она ушла в монастыри. В конце концов она создала очень многое, она питала ^{всех} как-то и вела людей, мы знаем, от Гоголя, через Толстого,

Леонтьева... и даже Толстой ведь, в конце концов, поехал в монастырь. Но в том-то и дело, что мистическая тема была жизненно бездейственна в общественном смысле, а общественное, синодальное христианство потеряло свои христианские основы. И вот теперь, собственно говоря, надо нам задним числом сращение духовной темы Нила Сорокого и старчества с общественной совестью русской творческой интеллигенции. Таковы мои утопические - скажете вы, может быть - мечты. Но господа, подумаем, за последнее время только утописты делали историю - большевики и фашисты. А все люди, занимавшиеся реальной историей, сидят сейчас и боятся, как бы их не выгнали какой-нибудь струей, понимаете, не только струей водяной, но может быть и кровавой из их клеток. Ведь доказано, что реальная политика - есть химера! И доказано, что... большевиками, что только вера движает историей. К сожалению, их вера недобрая вера...

Г.П.?: И испаряется?!

Ф.А.С.: И испаряется. И я думаю, что так сказать, эту ложную веру нужно без утопии, трезвенно, шаг за шагом творить в русской будущей грядущей жизни.

(еще)

Бут (стр. 27 и 90 стр. 32, знак \uparrow)
(подпись: "подумаете")

Г.П. Еще несколько слов, может быть, вы скажете на следующую тему. "Мы, в области "русской идеи" \exists (так называлась книга Бердяева). Но вы, Федор Августович, тоже писали на эту тему, у вас тоже есть своя "русская идея", и у Федотова была своя "русская идея", и что-то в "русскую идею", по крайней мере бердяевскую и... не только, может быть, бердяевскую, а "русскую идею" начала XX века - "Серебряного века" - как-то не вмещается. Одно имя, или может быть два имени - это Пушкин. Но Пушкин не был интеллигентом, потому что это слово тогда не существовало, по-моему, во всяком случае им не пользовались. И это что-то другое: и Пушкин-поэт, и Пушкин-человек, и Пушкин-мыслитель и... человек, который задумывался о судьбах России, не вмещается в эту метафизическую "русскую идею", и, может быть, даже не вмещается Андрей Рублев, который дал такой замкнутый, почти эллинский, но просвещенный христианством образ совершенства в своей сферической "Троице"! И здесь порядок, здесь гармония и вместе с тем - свет. У Рублева это, конечно, Христос свет, он был монахом, но Пушкин не был монахом. И лучшие религиозные стихи Пушкина может быть подражание корану. И вот, Пушкин - остановимся на нем больше - Пушкин не вмещается в эту метафизику, и может быть, он тоже есть какой-то "завет, какое-то "указание"?

Ф.А.С.: На это можно сначала дать ответ чисто научный, чисто методологический. Я, значит, как социолог, ^{по} сколько им являются, являясь учеником Макса Вебера. Макс Вебер создал

очень интересную - не схему, а собственно говоря, концепцию, где он говорит, что научный анализ исторических явлений дает только идеало-тиpические образы, значит, "русская идея" есть некий идеало-тиpический образ, некоторая концепция.

Теперь, конкретные исторические явления, они по-разному относятся к этой идеало-тиpической концепции. Он называет очень трудно переводимым на русский язык, очень хорошим словом: "Das ist die "Zurechnungschance" " - значит, каков шанс, позволяющий мне это конкретное явление, так сказать, соотнести к идеало-тиpическому понятию. Понятно это, да? Ну вот.

Теперь, что касается Рублева, то я всегда говорил и всегда считаю, что античный мир есть "второй ветхий завет христианства". Одного еврейского завета мне мало, понимаете; я думаю, что это очень важно. Я об этом много довольно так попутно, значит, писал, Ну, если вы например возьмете "Царя Эдипа" Софокола, то ничего же, в конце концов, не выйдет из его судьбы, если не понять то, что его вина есть некоторое, в античном мире данное пророчество о грехопадении, то есть, о "без вины вынужденные".

Совершенно также, если возьмете естественное право, которое и Аристотелем и Платоном и потом выношено и софистами и Марк Аврелием и всеми... это ведь есть тоже утверждение, что человек не от мира сего, потому что там говорится совершенно ясно, что когда человек входит в какие-нибудь здешние исторические образования, партии, организации, то он приносит с собой метаисторические начала свободы и право на исповедничество своих личных убеждений. Это, в конце концов, тоже

совершенно ясно тоже доантичное пророческое по отношению к христианству концепции. Так что я бы этого, все-таки, Рублева, несмотря на свою законченность и круг и все это... я бы это, так сказать, не считал, что этим самым он удаляется от христианства, если все-таки... тем более ведь у него же это было... это был простой человек, простой монах, большого образования у него не было... так что это просто, так сказать, хорошее. (исследование)

Г.П.: Но это не утопическое, это взвинченное, апокалиптическое христианство...

Ф.А.С.: Ну, конечно, понимаете...

Г.П.: В нем тоже есть "русская идея"!

Ф.А.С.: Ну, да вообще, по-моему христианство, понимаете ли, без апокалипсиса и всех этих вещей... я не говорю, так сказать, о синодально-ритуальном христианстве, к которому я отношусь, так сказать, не абсолютно положительно. Это очень хорошо, и католики это понимают, что есть цели (?) христианских возможностей, и что народ надо воспитывать на другом образе христианства, чем ученых или чем философов и т.д.

С Пушкиным дело обстоит, конечно, весьма сложно. Сейчас я вам не могу это все рассказать, конечно, но я тут читал несколько раз, значит, о Пушкине... Между прочим, может быть вы знаете, хотя бы... да, конечно, вы знаете работу Франка о Пушкине, понимаете, "Религиозный Пушкин" и Струве и т.д. Конечно, сделать из Пушкина, так сказать, православного и церковного - это никак нельзя, но я все-таки глубоко уверен, что нету Пушкина, если вы не позволите сказать, что все-таки ему была ведома

ма трансцендентная реальность, и что, так сказать, его лучшие образы, понимаете, даже и лирические, они все-таки где-то связаны с этим видением трансцендентной реальности. Все-таки у него была большая совесть, понимаете...

Г.П. : Да, я только хотел сказать, что Рублев, и особенно Пушкин не утописты, а в ХХ веке, начиная уже с Достоевского, русская мысль жила утопическими мечтаниями, а вот Пушкин не утопия и сферический Рублев тоже не утопия. Что это тоже есть в "русской идее", не только утопизм, не только апокалипсис, как у Бердяева.

Ф.А.С. : Ну да. Во-первых, я все-таки думаю, что... хотел бы вам напомнить, что основная категория православия трезвость. где Так что, /начинается действительная утопия, там уже есть некото-
Бердяев гностики рая опасность для трезвенного христианства. Теперь, у Бердяева, собственно говоря, образ ни православия, ни русской идеи точно, понимаете ли, я бы его все-таки не пустил... Если бы сегодня был ведь Собор, то его бы вероятно, и не без права, может быть бы экскомуницировали. Все-таки Бердяев пишет, что у Бога не больше власти, чем у городового перед моим подъездом, понимаете, что мыслить Бога как власть имущего и миротворящего есть абсолютная ересь, которая ведет к прямому атеизму. Бердяев говорит "Бог создал человека. Самое важное в человеке свобода, но свободы Бог не создавал, значит Бог создал человека минус всего самого важного, что в человеке есть".

И таких противоречий у него очень много. В нем только важна очень сильная насыщенность, так сказать, некоторой трансцендентностью, которую он действительно высказывает, только в

косноязычных таких образах, несовместимых друг с другом, понимаете. А Достоевский - это уже некоторое другое... вот, понимаете ли, мы сегодня с вами говорили, ~~вас~~ Свидригайлов больше интересует, чем Алеша Карамазов. Свидригайлов...

Г.П.:

Смердяков...

Ф.А.С.:

Даже Смердяков созерцатель, да. Но, понимаете ли, я все-таки думаю, что не защищая образа Алеша Карамазова, где может быть тут есть, действительно, какая-то такая... ну, не буду так говорить, но если бы я не уважал Достоевского, я бы сказал - может быть тут есть некоторая сузальность такая, понимаете, можно это сказать... Наш учитель в школе говорил, если бы я вас не уважал, я бы вам сказал: все вы дураки и подлецы!

Так вот, я очень уважаю... это неверное слово, ~~так~~ сказать. Но все-таки можно такой вы... могли бы... но все-таки то, что, так сказать, из монастыря должен выйти человек здоровый, румяный человек... здоровый, краснощекий, знаете, это здоровый, и должен идти, значит, в мир, и должен, так сказать, эти начала исповедничества положить в основу творческой жизни, вот это безусловно относится, конечно, больше чем Свидригайлов, я бы сказал, и ^т чем больше и Смердяков к "русской идее".

Я очень, как метафизик, историк могу этим интересоваться, но все-таки "русскую идею" и русскую будущность я буду строить на Алеше, а не на свидригайловых и не на смердяковых, понимаете; так что, вот это бы я так сказал.

О Пушкине я бы мог очень много, но мне нужны цитаты, заметки, стихи - это целый доклад, понимаете, но я думаю, что то, что я сказал, до некоторой степени, все-таки - "Но жду тебя, он за тобой" - вот это меня всегда потрясает!

И потом, наконец, и все-таки же "Пророк" - это переводная вещь, но ведь "Пророк" не пророк, пророк же у него поэт, и самый факт посвящения ~~абсолютно~~ абсолютно религиозный факт, понимаете, так что это все-таки не ~~Лермонтов~~ ^{Сергей} в этом смысле, понимаете.

Г.П.о.: Мы заканчиваем нашу беседу Федор Августович, [нет...]
нет, позовите вас поблагодарить, [и я хотел только...] это не вопрос, но я думаю, может быть вы согласитесь с тем, что все-таки сейчас печальное время, Россия не наша, но великое наследие Киевской Руси, Московской Руси и Петербургской Руси, включая этот маленький, короткий "Серебряный век" может как-то возродиться и может как-то, говоря проще, понадобиться, как вы думаете?

Ф.А.: Глубоко уверен, что понадобится. Из всего, что вы сказали, с одним только не согласен - Россия наша! Потому что я ей принадлежу, понимаете ли, я ее никому отдать не могу, и она себя из меня убрать не может!

Г.П.: Но вы здесь, а не там!

Ф.А.С.: Нет, но она может быть больше здесь, чем там...

Р.П.: А-а-а...

Ф.А.С.: ... или я уже давно... она ни здесь, ни там... Уже очень много, к возмущению некоторых эмигрантских критиков, я например писал о России... и вчера... это о русской литературе, и вчера повторил на вечере, что есть только ОДНА ЛИТЕРАТУРА РУССКАЯ, там и здесь, и есть две агитмакулатуры - эмигрантская и советская. Но литература одна. И все больше и больше перекликаемся. Так что, например, вот та точка зрения,

out

которая была в правой эмиграции, например, у Мережковского, который на ~~сквознике~~ революции схватил насморк и во имя ^К своего насморка отрицал русские трагедии^и, это все неверно, понимаете, тут все-таки есть какая-то одна, которую нужно, значит, строить и постепенно сращаться.

Г.П.:

Спасибо, Федор Августович, за вашу замечательную беседу.